«Новороссийский телеграфъ» 1889, 26 ноября, № 4606

с. 2-3

ФЕЛЬЕТОНЪ.

ОБЗОРЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Мой первый обзоръ явленій текущей литературы къ счастію приходится посвятить такой выдающейся вещи, какъ помѣщенная въ ноябрьской книжкѣ «Сѣвернаго Вѣстника» повѣсть г. Антона Чехова «Скучная исторія». Передъ нами здѣсь писатель съ несомнѣннымъ талантомъ, одаренный утонченной наблюдательностью, по отношенію къ «нитямъ психической жизни человѣка» и глубоко закупоривающійся видъ такъ называемыми проклятыми вопросами жизни и духа. Но г. Чеховъ—писатель, прошедшій суровую авторскую школу, представляетъ живое опроверженіе всего того, что еще недавно такъ широко прилагалось въ опроверженіи той безцвѣтности, которая наложила свою печать на цѣлую полосу въ русской беллетристикѣ конца семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ. Въ нашемъ читателѣ удѣлялъ сполна одинъ только Всеволодъ Гаршинъ съ его замѣчательнымъ языкомъ и оригинально выраженнымъ настроеніемъ духа своего времени. Все остальное еще заняло успѣло «порости травой забвенія», хотя еще проявляетъ, въ той или другой формѣ, на задворкахъ литературы. Въ сужденіяхъ объ этомъ «всемъ остальномъ» всегда преобладали указанія на вторженіе въ литературу разночинца, которому, говорятъ, трудно [illegible] въ обработкѣ своихъ произведеній [illegible] представителями такъ называемой помѣщичьей литературы, выросшей на сытныхъ хлѣбахъ крѣпостничества. Обратясь на [illegible] литературу разночинецъ какъ-бы [illegible] такъ же [illegible] литературы, [illegible] дворяне (главнымъ образомъ однако, только Тургеневъ и Гр. Л. Толстой). [illegible] представителями [illegible] литературного [illegible] Вы [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible], но отчего же она ни разу, тайкомъ [illegible], не пришла ко мнѣ и не шепнула: «Отецъ, вотъ мои часы, браслеты, [illegible], платья... Залоги все это, тебѣ [illegible] деньги! Отчего она, видя какъ я и [illegible], подавлялась ложному чувству, стала скрыть отъ людей свою бѣдность, [illegible] она не отвлекется отъ дорогого [illegible] занимаиться музыкой? Я бы не [illegible] ни часовъ, ни браслетовъ, ни [illegible], хранимъ меня Богъ — мнѣ не это [illegible]

[illegible] вспоминаю я и про своего сына, [illegible] офицера. Это умный, честный [illegible] человѣкъ. Не мнѣ мало этого. [illegible] если-бы у меня былъ отецъ ста[illegible], и если бы я зналъ, что у него бы[illegible] минуты, когда онъ стыдится своей [illegible], то офицерское мѣсто я отдалъ-[illegible] другому, а самъ нанялся [illegible] и работникомъ. Этому офицеру посылает[illegible] на дому каждый мѣсяцъ 50 руб., а [illegible] утро къ профессору, послѣ безсон[illegible] ночи, приходитъ его мама съ разгово[illegible] по поводу этихъ пятидесяти рублей, [illegible], не ея мильонъ, можно-бы сопра[illegible] и до сорока, да о томъ, что сахаръ [illegible], а хлѣбъ дешевле, что не [illegible] заплатить малованьемъ лакею и [illegible] шубу дочери. «Я слушаю [illegible] ученый профессоръ — нанимал[illegible] подаваниемъ. и, вѣроятно, оттого, [illegible] ночь, непонятныя мысли овла[illegible] мной. «Я смотрю на свою жену и [illegible], какъ ребенокъ. Въ недоумѣніи, [illegible] себя: неужели это старая, очень [illegible] нелоцкой заботы и страха по[illegible] хлѣба, со взглядомъ отуп[illegible] постоянными мыслями о долгахъ [illegible], умѣющая говорить только о [illegible] Дашевиной [illegible] женщина была когда-то той [illegible] Варенькой, которую я страстно [illegible] за хорошій, честный умъ, за чистую [illegible] Академіи, [illegible] къ моей наукѣ? Неужели [illegible]

да-то родила мнѣ сына?

Я напряженно всматриваюсь въ лицо сырой, неуклюжей старухи, ищу въ ней свою Варю; но отъ прошлаго у нея уцѣлѣлъ только страхъ за ее здоровье; да еще манера называть мое жалованье нашимъ жалованьемъ, мою шапку — нашей шапкой. Мнѣ больно смотрѣть на нее, и, чтобы утѣшать ее хоть въ многомъ, я позволяю ей говорить, что угодно, и даже молчу, когда она несправедливо судитъ о людяхъ, или журитъ меня за то, что я не занимаюсь практикой и не издаю учебниковъ» (76).

Наканунѣ конца ученый профессоръ доноситъ себѣ голову надъ вопросомъ: какъ это случилось, что такая пропасть легла между нимъ и его семьей? А случалось это очень просто: въ началѣ отношенія къ семьѣ представлялись ему чѣмъ-то въ высшей мѣрѣ несложнымъ и потому даже разъединяющимъ среди усидчиваго труда, поглощавшаго всего ученаго человѣка. Вотъ что разсказываетъ ученый человѣкъ про свою дочь: «въ дѣтствѣ она очень любила мороженое, и мнѣ часто приходилось водить ее въ кондитерскую. Мороженое для нея было мѣриломъ всего прекраснаго. Если ей хотѣлось похвалить меня, то она говорила: «Ты, папа, сливочный». Одинъ мальчикъ назывался у нея ананасковымъ, другой сливочнымъ, третій малиновымъ и т. д. Обыкновенно, когда по утрамъ она приходила ко мнѣ [illegible] и [illegible] къ себѣ на колѣни [illegible] [illegible] [illegible]